

Так как часто приходилось выполнять тяжёлую работу, и могли случаться несчастные случаи, дедушка часто покупал лекарства от ушибов и растяжений, чтобы они были дома на всякий случай. Некоторые из них ещё не были использованы, и Жуань Сиши аккуратно хранил их, чтобы они могли пригодиться в будущем. И вот они действительногодились.

Прежде чем наносить лекарство, Жуань Сиши намочил горячее полотенце и приложил его к плечу Лу Цзэ, чтобы немного прогреть. Затем он смочил ватную палочку йодом и обработал стёртые места, после чего посыпал их Юньнань Байяо.

Жуань Сиши осторожно наносил порошок, одновременно говоря:

— В ближайшие дни ты ничего не делай, просто отдыхай и лечись.

К счастью, сельскохозяйственные работы закончились, и следующие несколько дней они могли немного отдохнуть.

На следующее утро Жуань Сиши взял вилы и спички и отправился на ток, чтобы сжечь их солому. Лучше всего было бы сделать это вечером, но вчера, когда они ушли от бабушки Ню, уже было поздно, и Жуань Сиши беспокоился, что куры и утки в темноте не смогут найти еду, поэтому они сразу пошли домой, не успев сжечь солому. А сегодня вечером на току должны были начать строить сцену для представления, и кучи соломы могли помешать, поэтому пришлось сжигать её утром. Позже, когда пепел остынет, его можно будет собрать и использовать как удобрение.

Солома легко загорается, и как только её подожгли, пламя сразу же разгорелось, обжигая жаром. Лу Цзэ когда-то участвовал в костровых вечеринках, но впервые видел такой большой костёр. Он, как мальчишка, взял палку и начал играть с огнём, получая от этого большое удовольствие.

Жуань Сиши с улыбкой наблюдал за ним. Когда солома почти догорела, он бросил в пепел принесённый из дома батат и сказал Лу Цзэ:

— Подожди немного, и мы сможем съесть печёный батат.

Лу Цзэ никогда не пробовал батат, приготовленный так примитивно, и это привлекло его внимание. Он терпеливо присел рядом с Жуань Сиши, ожидая, пока батат приготовится.

Он всегда считал себя терпеливым человеком, но сейчас словно стал другим. Прошло всего несколько минут, и он не выдержал, спросив Жуань Сиши:

— Когда уже можно будет есть? Я жду уже давно.

Жуань Сиши рассмеялся:

— Не так быстро, подожди ещё немного.

Через несколько минут Лу Цзэ почувствовал сладкий аромат батата в воздухе и воскликнул:

— Готово, готово!

Жуань Сиши с улыбкой успокоил его:

— Ещё нет, только кожица готова, нужно подождать ещё.

Несмотря на то, что утром он съел две порции лапши, прошло всего несколько часов, а Лу Цзэ уже чувствовал себя так, будто не завтракал. Его желудок урчал, и он мечтал только о печёном батате. Его нетерпение совершенно не соответствовало его зрелому виду. Жуань Сиши не мог сдерживать смеха, и в конце концов, не выдержав его нытья, вытащил из пепла несколько чёрных комочков, ткнул в них палкой, чтобы проверить, мягкие ли они, и, убедившись, что готово, поднял их. Они были горячими, и он перебрасывал их из руки в руку, пока не разломил пополам, чтобы показать золотистую и фиолетовую мякоть.

Их батат был особенным сортом, с белой и фиолетовой мякотью. Он был не таким сладким и мягким, как жёлтый, но слаще, чем фиолетовый, и более рассыпчатый, чем белый. Лу Цзэ не разбирался в сортах батата, но знал, что его слюнки текут от аромата. Он даже не стал ждать, пока Жуань Сиши передаст ему батат, а схватил его руку и откусил большой кусок, обжигаясь.

Лу Цзэ поклялся, что за свои тридцать лет он никогда не был так дик, как сейчас. Даже в младенчестве, когда он ещё не мог самостоятельно есть, он всегда тщательно пережёвывал пищу. Но здесь он потерял контроль. Если бы кто-то из его прошлого увидел его сейчас, он бы точно удивился.

Но перед ним был только Жуань Сиши, и он точно знал, что тот не станет его осуждать.

Дедушка Нью и бабушка Нью, получившие вчера помощь от Лу Цзэ, на следующий день рассказывали всем, какой хороший человек Жуань Сиши нашёл. Они говорили, что Лу Цзэ, видя, как они, старики, с трудом перевозят зерно, помог им всё перевезти и даже занёс в дом.

Теперь почти вся деревня знала, что Лу Цзэ — добрый человек. Те, кто раньше с опаской и предубеждением относились к нему, изменили своё мнение, говоря, что он такой же хороший, как и учитель Жуань.

Некоторые даже считали, что раз Лу Цзэ уже давно живёт в деревне и не спешит восстанавливать память, и при этом ведёт себя спокойно и помогает другим, но при этом живёт у Жуань Сиши и делит с ним участок земли, это несправедливо. Ему нужно выделить отдельный участок и, возможно, построить дом, как это было сделано с учителем Жуань.

Они даже предложили это старосте, но тот сегодня был занят организацией представления и не мог сразу заняться этим вопросом, отложив его на потом.

Днём в деревню въехали средний грузовик и автобус. Дети, увидев это, с восторгом бежали вдоль дороги, наблюдая за ними. В деревне редко бывали такие события, поэтому дети были особенно рады. И не только дети, но и взрослые тоже были взволнованы.

Театральная труппа приехала с десятком человек, и им нужно было где-то поесть и отдохнуть. Староста, будучи щедрым, пригласил их к себе домой, отправив своего брата в городок за продуктами, а его жена и невестки дома готовили еду и кипятили воду для труппы.

В доме старосты накрыли несколько столов, во дворе поставили две большие котлы, в которых жарились блюда. На земле и на столах лежали продукты: большие мешки свинины и курятины, связки водяного шпината и капусты, пучки лука, чеснока и сельдерея, а на столе даже лежала свиная голова, что выглядело довольно пугающе.

Музыканты труппы, пока ждали еды, не сидели без дела. Они достали свои инструменты — то, что было их ремеслом, — и начали настраивать их, проверяя звук.

Затем режиссёр и актриса начали петь, и музыканты подхватили их мелодию. В доме старосты

стало очень шумно.

Звуки труб, гобоев, флейт и барабанов разносились далеко. Дети, услышав их, подумали, что представление уже началось, и побежали к дому старосты, забираясь на забор, чтобы заглянуть внутрь.

Староста, увидев этих маленьких проказников, вышел и прогнал их:

— Ещё рано, идите домой обедать, не лезьте на забор, это опасно.

Дети, хотя и были озорными, но пугливыми, увидев хозяина, разбежались.

Дом Жуань Сиши находился далеко от дома старосты, но они всё же слышали звуки музыки. Лу Цзэ, впервые собираясь на представление, с волнением спросил Жуань Сиши:

— Они уже начали петь?

Жуань Сиши, сортируя водяной шпинат, с улыбкой ответил:

— Ещё рано, труппа сначала поест в доме старосты, чтобы набраться сил для постройки сцены. Они начнут петь только после наступления темноты.

Лу Цзэ успокоился и присел рядом с Жуань Сиши, чтобы помочь ему с сортировкой.

Они поужинали, и как раз когда солнце село, с току донеслись шумные звуки. Жуань Сиши сказал Лу Цзэ:

— Пойдём посмотрим.

Они вышли вместе, и Сяо Хуэй, увидев, что они уходят, тоже захотел пойти с ними. Жуань Сиши собирался закрыть дверь, но собака стояла на пороге, не желая уходить. Тогда он пригрозил ей:

— Сейчас будут запускать фейерверки, ты всё ещё хочешь пойти?

Собака, хоть и была молодой, уже знала, что такое фейерверки, вероятно, её пугали в детстве. Услышав это, она сразу же поджала хвост и побежала обратно в свой угол под лестницей. Жуань Сиши рассмеялся и закрыл дверь.

Небо ещё не полностью потемнело, и вокруг можно было разглядеть очертания предметов. По дороге они встретили много деревенских жителей, направлявшихся на ток. Кто-то вёл или нёс детей, кто-то нёс стулья или веера, кто-то — домашние закуски, а кто-то — маленькие кувшины с вином. Видимо, это было не просто представление, но и повод для других развлечений.

По дороге они встретили семью Чжао, и Чжао Сы, поддерживая свою новую жену, помахал им и крикнул:

— Сиши, брат Лу, идите с нами!

Авторское примечание:

Лу Цзэ: Сделал доброе дело, и настроение улучшилось.

<http://bllate.org/book/16162/1448717>